

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

ОБ АВТОРАХ:

Ларионов Алексей Эдиславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, ГБОУ ВО МО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

Лапшинова Кира Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, ГБОУ ВО МО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

Новичков Андрей Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, ГБОУ ВО МО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

Larionov Alexey E., PhD {History}, Associate Professor, Associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, Technological University, Korolev, Russia.

Lapshinova Kira V., PhD {Sociology}, Associate Professor, Associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, Technological University, Korolev, Russia

Novichkov Andrey V., PhD {History}, Associate Professor, Associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, Technological University, Korolev, Russia

УДК 316.4

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ ИНСТИТУТА КРАСНОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ларионов А.Э., Лапшинова К.В., Новичков А.В.

В настоящей статье осуществлён историко-социологический анализ изменений в составе и структуре Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Констатируется недостаточность наших знаний о социальных трансформациях в структуре Красной Армии в годы войны. РККА рассмотрена в качестве социального института, выполнявшего общественно значимые функции в длительных экстремальных условиях. Отмечается значительный масштаб и глубина, а также непрерывность происходивших изменений в армии. Высокий уровень ротаций личного состава, скорости и массовости социальной мобильности привели к кардинальным изменениям всего армейского института. В годы войны произошла актуализация главной социальной функции Красной Армии как социального института. При высоком уровне социальной динамики и мобильности в рамках РККА осталось неизменным ценностное ядро в виде набора идеологических лозунгов и господствующих в массовом сознании убеждений. Социальная динамика и мобильность в рамках Действующей Армии являлись институциональной адаптивной реакцией. Большая часть произошедших изменений отличалась необратимым характером, приведя к глубоким трансформациям социальной психологии армии и всего советского общества. В то же время, регулируемые и стихийные перемены обеспечили сохранение советского общества в условиях тотального военного конфликта.

Красная Армия, социальный институт, социальная мобильность, социальная динамика, ценностные

установки, социальная адаптация, Великая Отечественная война.

Для цитирования: Ларионов А.Э., Лапшинова К.В., Новичков А.В. Тенденции социальной динамики института Красной армии в период Великой Отечественной Войны // Социально-гуманитарные технологии. 2023. №1 (25). С. 4–16.

THE MAIN DIRECTIONS OF SOCIAL DYNAMICS OF THE RED ARMY INSTITUTE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Larionov A.E., Lapshinova K.V., Novichkov A.V.

The article deals with the history and sociological analysis of changes in membership and structure of the Red Army in the Great Patriotic War 1941–1945. The insufficiency of knowledge on social transformations is established in the

structure of the Red Army during the war. The Workers' and Peasants' Red Army is considered as the social institute implementing essential social functions for a long period of extreme conditions. It is noted the significant scope and depth and regularity of changes in the army. The high level of personnel rotation, the speed and scale of social mobility have led to fundamental changes of the whole Army Institute. The actualization of major social function of the Red Army as a social institute was occurred during the war. The core value as a set of ideological slogans and dominating in mass consciousness of beliefs remained at a high level of social dynamics and mobility in the framework of The Workers' and Peasants' Red Army. Social dynamic and mobility in the current army were institutional adaptive response. The most of the changes differed irreversible in nature, leading to deep transformations of social psychology of the army and the entire Soviet society. At the same time regulated and natural changes have ensured the preservation of Soviet society and country in terms of the total military conflict.

The Red Army, social institute, social mobility, social dynamic, values, social adaptation, the Great Patriotic War.

For citation: Larionov A.E., Lapshinova K.V., Novichkov A.V. The main directions of social dynamics of the Red Army Institute during the Great Patriotic War. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2023; 1 (25): 4–16. (In Russ.)

Историко-социологические аспекты Великой Отечественной войны сравнительно мало рассматривались в отечественном гуманитарном дискурсе. До середины 1980-х годов военно-социологическое направление было почти табуировано [19]; спорадическое изучение историко-социологических аспектов войны сводилось, преимущественно, к обоснованию ведущей роли коммунистической партии и её идеологии в исходе событий 1941–1945 гг. При главенстве идеологического подхода социология, как более объективированная наука, просто не могла получить для себя легитимного исследовательского пространства.

На страницах СОЦИСа был опубликован ряд интересных и содержательных статей по социологическим проблемам, связанным с изучением Великой Отечественной войны. Особенно значительное их количество наблюдалось в 2015г., когда праздновался 70-летний юбилей Великой Победы [1, 2, 7]. Однако, в них освещаются либо проблемы сохранения и трансформаций исторической памяти о войне, либо социологические аспекты партизанского движения на оккупированных советских территориях. Тогда как проблемы социальной динамики в важнейшем для военного времени социальном институте – Действующей Армии, на страницах именно СОЦИСа затрагивались мало и, преимущественно, по отношению к зарубежным военным формированиям. [8, 15] При этом, в указанных публикациях значительный методологический интерес представляют выводы о высокой роли идеологии для сплочённости и эффективности армии в условиях войн XX века, о специфике статуса, самоидентификации, мировоззрения военнослужащих в период раннего модерна.

Между тем, исследование социальных процессов в рамках военного социума Красной Армии в условиях длительного военного противостояния с сильнейшей сухопутной армией Европы, способно принести значительную пользу как для понимания такого крупнейшего социально-исторического события, каким является Великая Отечественная война, так и для развития самого социологического знания. Ведь перед нами – уникальный опыт экстремального социального бытия десятков миллионов людей, спаянных единством времени, ценностей и событийности. Некоторые попытки комплексного историко-социологического изучения Великой Отечественной войны уже присутствуют [22]. Но тему нельзя считать исчерпанной.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей функционирования и изменений социального института Красной Армии в годы Великой Отечественной войны.

В рамках поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**:

1. Конкретизировать дефиниции «социальная динамика» и «социальная мобильность» применительно к историко-социологическому контексту Великой Отечественной войны;
2. Описать и проанализировать основные направления динамики базовых элементов социального института РККА, а также обуславливающие эти изменения факторы.

3. Проанализировать социальные лифты и механизмы вертикальной и горизонтальной мобильности в рамках военного социума Красной Армии периода Великой Отечественной войны.

Объектом исследования в настоящей статье выступает Красная Армия как единый социальный институт. В институциональном отношении она включает в себя специфические формы и способы организации деятельности своих членов, ценности, нормы, идеологию, санкции и образцы поведения, символику и атрибутику, а также привлекаемые социальные ресурсы.

Предмет исследования – изменения структуры, форм и способов организации деятельности военнослужащих, социальная мобильность в рамках РККА как социального института в 1941–1945 гг.

Для методологической непротиворечивости целесообразно уточнить базовые понятия, используемые в настоящей статье:

Социальная динамика – вся совокупность изменений в пространстве военного социума РККА: как в целом, так и в его частях. Но прежде всего к динамике относятся изменения элементов структуры социального института Красной Армии вследствие участия в боевых действиях. Это демографические изменения, метаморфозы политической пропаганды, ведущие к неизбежным переменам в массовой ментальности, флуктуации материально-технического обеспечения, изменения принципов и механизмов организации, управления войсками, распространившиеся на всю армию.

Социальная мобильность – рассматривается как понятие, подчинённое социальной динамике и вытекающее из неё. К горизонтальной и вертикальной мобильности относятся в контексте данной статьи изменения в положении групп и отдельных военнослужащих, в статусно-ролевом, функциональном, пространственном отношениях.

Главенствующей функцией армии как социального института является обеспечение защиты создавшего её общества от внешних враждебных посягательств посредством военной силы. В эффективном исполнении этой функции заключается смысл существования Вооружённых Сил любой страны. При всём том исторической аксиомой является существенное различие между армией мирного и военного времени. При сохранении внешних форм организации реальное их наполнение претерпевает метаморфозы. Принципы отбора и продвижения вверх в рамках армейской социальной пирамиды в мирное и военное время могут различаться самым радикальным образом. То же самое касается принципов и практики удовлетворения повседневных нужд военнослужащих, их реального, а не формального статуса в государстве и обществе, практик социальной коммуникации, содержания и трансляции ценностей в сознание военнослужащих и многого другого. Кроме того, в военное время резко интенсифицируется процесс кадровой ротации гражданского населения через армейский социум. Локальные войны ограниченного масштаба могут быть проведены исключительно силами кадровой армии без проведения специальных мобилизационных мероприятий, выходящих за рамки обычного призыва. Масштабные и длительные по времени войны ставят на очередь проблему расширенного восполнения людских потерь, что вместе с необходимостью обучения призываемого контингента приводит к мобилизации, в разы превосходящей цифры призыва мирного времени. Что, в свою очередь, становится немаловажным фактором динамики в Действующей Армии. Всё названное в полной мере коснулось Вооружённых Сил СССР в период Великой Отечественной войны и в особенности – сухопутных войск [Потери ВВС и ВМФ хотя и были значительны, но на порядок меньше, чем в пехоте, танковых войсках и артиллерии полкового и дивизионного звена].

Суммарное число мобилизованных в годы войны вместе с кадровой армией довоенного комплектования в 1941–1945 гг. достигло астрономической цифры 34,476 миллионов человек [11, с. 245]. Более 33 млн. из этого количества составляли мужчины наиболее трудоспособного и репродуктивного возраста – преимущественно от 17 до 45 лет. Столь огромные масштабы мобилизации и участия в военной службе и в боевых действиях не имели прецедентов в истории как российского, так и любого другого общества. Следует говорить о наличии как прямой, так и обратной связи армии с обществом. При массовой мобилизации в ряды Действующей Армии происходит колоссальный приток гражданских лиц, затем, по мере демобилизации (по ранениям или по окончании войны), в гражданскую жизнь вливается многомиллионная масса лиц с боевым и

армейским опытом и объединённым опытом и памятью об участии в судьбоносном историческом событии. Которое предопределило его результат события, судьбу страны и ход макросоциальных процессов в длительной перспективе.

Таблица 1. Соотношение потерь, призыва и численности РККА в 1941–1945 гг.

Годы	Потери		Число мобилизованных	Среднемесячная численность ДА
	Безвозвратные	Санитарные		
1941, 22.06.– 31.12.	3.137.673	4.473.820	20.713.229	3.024.900
1942	3.258.216	4.111.063		5.313.600
1943	2.312.429	5.545.074	5.901.436	6.389.200
1944	1.763.891	5.114.750	4.646.250	6.550.000
1945, 01.01.– 09.05.	800.817	2.212.690	551.243	6.330.880

Из **Таблицы 1** [3, с. 146–153; 12, с. 37] следует, что кадровый состав РККА в целом обновился за неполных четыре года не менее трёх раз. Столь масштабные изменения большинства кадрового состава вооружённых сил не могли не иметь важных социальных последствий. По сути дела, они сами представляли собой длительный социальный процесс, который постоянно втягивал в орбиту своего влияния миллионы новых людей, пропускал их через социальный институт армии, меняя их мировоззрение, ориентиры, ценностные установки, цели и способы повседневной социальной деятельности.

Таким образом, социальная динамика Красной Армии как социального института выразилась, в первую очередь, именно в этой, необычайно интенсивной и масштабной, неоднократной смене личного состава. Её темпы намного превосходили кадровые ротации мирного времени. Предвоенная кадровая армия, обладавшая специфическим корпоративным менталитетом, в большинстве своём погибла в течение лета–осени 1941 года, ценою своей гибели пытаясь если не остановить, то хотя бы замедлить поступательное движение военной машины Германии и её союзников по просторам СССР. В дальнейшем комплектование армии происходило на основе мобилизации гражданских лиц с прошлым (часто изрядно утраченным) опытом воинской службы, либо вовсе без такового. При предельно ускоренной подготовке эти люди направлялись на фронт – в качестве замены выбывшим из строя. Соответственно, динамика демографическая порождала динамику ментальности милитарного социума – вновь призванные в ряды Вооружённых Сил отличались часто иными ментальными установками, мотивациями деятельности, стереотипами поведения и были в гораздо более сильной степени связаны с гражданской жизнью «до войны» – именно психологически. То есть вслед за человеческим составом и в связи с ним менялась социальная психология Красной Армии. Фактически именно в годы войны армия стала вооружённым народом. Происходит постепенное привнесение в повседневные социальные практики и коммуникации элементов гражданского сознания. Огромное число военнослужащих воспринимают войну и своё в ней участие не как реализацию ранее заложенных профессиональных компетенций, а как неизбежное зло, временное по определению. По окончании которого априори предполагалось (пусть и в виде призрачной надежды, иррациональной веры) возвращение к мирному труду. Война мыслилась как патология, которую надлежит преодолеть, уничтожить. Такое настроение получило распространение даже среди определённой части командного состава нижнего и среднего звена до полковника включительно [9, 14]. Об этом красноречиво свидетельствуют источники личного происхождения – дневники и письма военных лет, некоторые архивные документы.

Помимо изменений численности личного состава Красной Армии происходили и другие, не менее значимые изменения, которые можно считать проявлением социальной мобильности горизонтального и вертикального характера. Кроме перемещений линии фронта в зависимости от результатов военных действий, происходили плановые передвижения войск с одного участка фронта на другой. На протяжении войны в географических перемещениях одномоментно находились сотни тысяч военнослужащих: вновь призванные и излеченные в эвакогоспиталях

двигались к фронту, раненые и комиссованные двигались в тыл воюющей страны, относительно малый процент таких перемещений составляли командированные с фронта в тыл лица и получившие краткосрочные отпуска солдаты и офицеры. У подавляющего большинства передвигавшихся вдоль фронта и по стране военнослужащих радикальной смены социального статуса не происходило: оставаясь в прежнем звании, с соответствующим кругом обязанностей и прав, бойцы и командиры были как будто невидимыми якорями притянуты к своей воинской части и военной специальности. Однако такое впечатление при ближайшем рассмотрении нуждается в корректировке.

В частности, при сохранении номинального прежнего статуса (воинское звание, которое менялось достаточно медленно) в течение войны могли происходить неоднократные изменения воинской специальности военнослужащего, особенно рядового и сержантского состава, несколько реже – у офицеров. Не в последнюю очередь эта смена была связана с излечением в госпиталях после ранений. Если ранения лёгкой и средней тяжести лечились на батальонных и полковых медпунктах, в медсанбатах, то при тяжёлых ранениях военнослужащий подлежал эвакуации в тыл – в армейский или фронтовой полевой походный госпиталь (ППГ), либо в эвакогоспиталь. Уже само такое перемещение на более или менее значительное расстояние от зоны боевых действий, с оставлением своей части означало как горизонтальную мобильность в пространстве, так и частичную перемену в статусе – боец на некоторое время переставал быть активным, реальным комбатантом, становясь раненым, утрачивая свою воинскую функциональность. Существовала и вероятность радикальной статусной инверсии – если в результате ранения военнослужащий подлежал списанию с военной службы. За годы войны в связи с ранениями и болезнями было комиссовано около 3,8 млн. человек [12, с. 57]. В социальном плане это был обратный переход от состояния военнослужащего к состоянию гражданского человека с соответствующим изменением формальных и неформальных прав и обязанностей. При этом, такая инверсия не рассматривалась как понижение статуса, падение его качества и, соответственно, оценки и самооценки человека. Напротив, инвалиды войны становились особой и морально привилегированной стратой советского общества как люди, честно и до конца исполнившие свой гражданский долг перед обществом.

С одной стороны, армия как социальный институт выступила средством изменения статуса и роли людей, с другой стороны, Красная Армия военного времени и в условиях боевых действий оказалась мощным социальным лифтом – как для кадровых военных, так и для призванных на военную службу миллионов гражданских лиц. Тысячи и десятки тысяч военнослужащих за годы войны прошли по лестнице военной иерархии пути различной длины и содержания. Наиболее массовым было «производство» младших лейтенантов и лейтенантов на должности взводных командиров, или на жаргоне военного времени, «Ванек-взводных». Юноши 18–20 лет не просто становились военнослужащими, но превращались в командиров нескольких десятков человек, неся за них полную ответственность и, в то же время, деля с ними все тяготы окопного быта и участия в боевых действиях [Штатная численность стрелкового взвода в Красной Армии в 1941–1945 гг. доходила до 50 человек (с отделением миномётчиков)]. Происходит радикальная смена идентичности в сторону наращивания чувства ответственности, исполнения обязанностей и образа мышления, осознания зыбкости собственного земного бытия – особенно учитывая эмпирически зафиксированный самими фронтовиками факт: срок жизни на передовой взводного лейтенанта в среднем составлял от месяца до трёх. Далее следовала либо гибель, либо тяжёлое ранение. Однако, те кто выживали, впоследствии имели шансы карьерного роста и повышения собственного статуса. В личностном плане такая метаморфоза далеко не всегда была безболезненной.

Следуя вверх по лестнице армейской социальной иерархии РККА, мы отмечаем, что изменения статуса коснулись также старшего и высшего командного и политического состава. Их непосредственным катализатором оказалась именно война. Некоторые командиры прошли ступени военной карьеры с такой скоростью, какая была бы немыслима в иных условиях. Например, Иван Данилович Черняховский (1907–1945 гг.) за три с небольшим года прошёл путь от полковника-командира 28-й танковой дивизии до генерала армии-командующего 3-м Белорусским фронтом.

Если бы не гибель от шального снаряда 18 февраля 1945 г., то он мог стать в 37–38 лет Маршалом Советского Союза. Другой полковник-танкист – Павел Алексеевич Ротмистров к концу войны стал Маршалом бронетанковых войск. Примеров подобного служебного роста насчитывается достаточно во всех родах войск в годы войны, чтобы рассматривать его как социально-институциональное явление, присущее РККА в целом.

Ярким примером интенсивности социальной мобильности в Красной Армии может служить пример вертикальных и горизонтальных перемещений в чётко фиксированной социальной страте – в звене командующих армиями. С одной стороны, эта социальная группа была достаточно многочисленной, чтобы обеспечить репрезентативность анализа, с другой стороны, её состав полностью прозрачен, равно как и перемещения внутри группы. Последним обеспечивается достоверность и полнота сведений. Ниже приводятся интегрированные данные по динамике перемещений командующих армиями в 1941–1945 гг.

За годы войны существовало на 22 июня 1941 г., было сформировано, переименовано, восстановлено 80 общевойсковых армий, в том числе: 11 гвардейских, 5 ударных, и 64 обычных под №№3–70. При этом состоялось 441 назначение на должность командующих армиями. В должностях командармов побывало 224 человека. Продолжительность войны составила 46,5 месяцев. В таком случае, для среднестатистической армии пришлось в среднем 5–6 назначений, средний же срок пребывания командарма в должности составил около 8–9 месяцев. На одного же командующего пришлось в среднем 2 назначения на должность. Из общего количества перемещений генералитета от 1 до 4 назначений состоялись в 27 армиях; от 5 до 9 смен командующих – в 47 армиях; от 10 до 15 раз сменились командующие в 6 армиях. Абсолютный рекорд был поставлен в 47-й армии – 15 командующих! Один несменяемый командарм был у 65-й армии [24]. Эти данные отражены в **Диаграмме 1.**

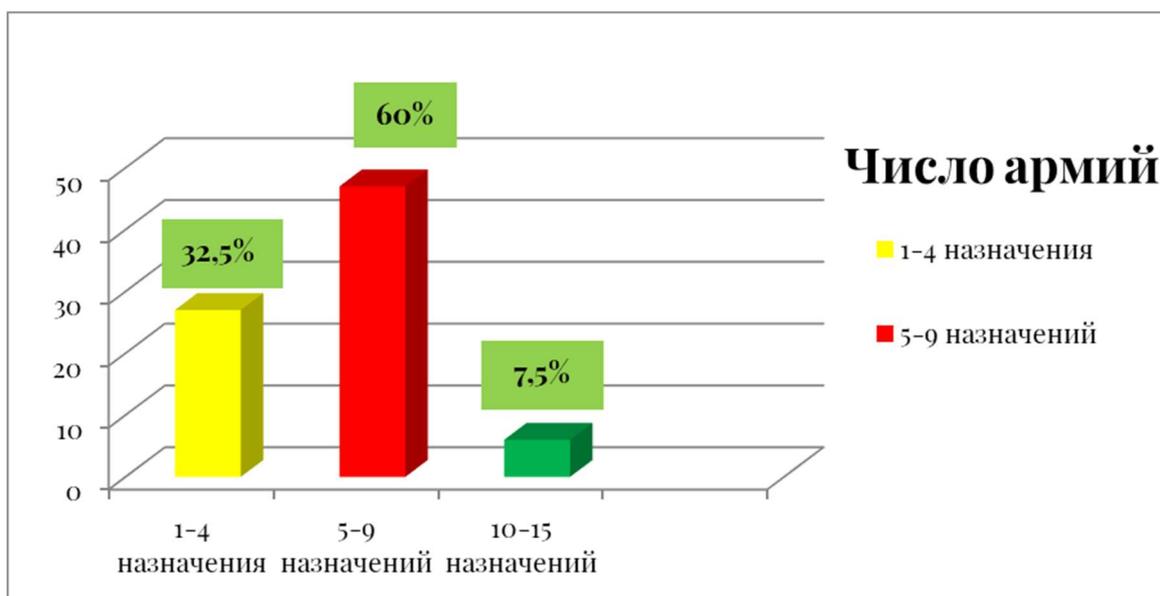

Диаграмма 1. Частота назначений на должность командующих армиями в РККА в 1941–1945 гг.

Как видим, общая динамика кадровой ротации в армейском общевойсковом звене, т.е. наиболее массовой части Вооружённых Сил СССР, была достаточно высока. Кадровые перемещения диктовались стремлением повысить эффективность боевой работы войсковых объединений, путём подбора наиболее адекватных стоящим задачам кандидатур. Эти перемещения следует расценивать как адаптивную реакцию военизированной социальной системы. Возросла скорость адаптивной реакции к экстремальным условиям: если в довоенный период минимальным сроком взаимного приспособления нового командира и военного соединений являлся год, то в военный период процесс сокращался на 25–30%. Поскольку в ретроспективе общие результаты действия армий оказались успешны, постольку указанный механизм адаптации социальной системы, основанный на сочетании вертикальной и горизонтальной мобильности, был в целом правильным и эффективным. В этом отношении показательно свидетельство «с другой стороны» – оценка

нацистскими лидерами качества советского генералитета: «Генеральный штаб прислал мне книгу с биографиями и фотографиями советских генералов и маршалов. Из этой книги можно вычитать много такого, что мы упустили сделать в предшествующие годы. Маршалы и генералы в среднем чрезвычайно молоды, почти ни одного старше 50 лет. За плечами у них богатая политико-революционная деятельность, все они убежденные коммунисты, весьма энергичные люди и по лицам их видно, что вырезаны они из хорошего народного дерева. В большинстве случаев речь идет о сыновьях рабочих, сапожников, мелких крестьян и т.п. Короче говоря, приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса получше, чем наша собственная... Я рассказал фюреру о просмотренной мной книге генерального штаба о советских маршалах и генералах и добавил: у меня такое впечатление, что с таким подбором кадров мы конкурировать не можем. Фюрер полностью со мной согласился» [18, с. 230].

Описывая ситуацию с восходящим изменением социального статуса в целом по Красной Армии, вновь обратимся к официальной статистике. Если советский генералитет на 22 июня 1941 г. составлял 1074 человека (в сухопутных войсках), то к концу войны число генералов и маршалов достигло более 4.000 человек. Даже если учесть, что в начале войны имелась параллельная шкала званий политработников, которые были нивелированы только в 1943 г., то всё равно, количественный рост генералитета был более, чем в 2 раза. Количество маршалов возросло с 3 в 1941 году до 12 в 1945 году. То есть в 4 раза! Скорость и объём выпуска командных кадров из учебных заведений также отражают динамику в рамках Красной Армии как социальной системы, что показано в **Таблице 2**. Для сравнения взяты данные о выпуске в последний предвоенный год [10, 23].

Таблица 2. Изменения численности выпускников военных училищ и курсов Красной Армии в 1941-1945 гг. (в сухопутных войсках):

Выпущено училищами и курсами сухопутных войск	1940	1941	1942	1943	1944	1945
	35501	192557	303415	161054	147562	42342

Естественно, что повышенная потребность армии в офицерах различных уровней обусловлена не только её количественным ростом, но и большими объёмами потерь, особенно в 1941-1942 гг. Пик выпуска пришёлся на 1942 г., затем численность выпускаемых офицеров начинает постепенно снижаться, пока в 1945 году достигла почти сопоставимых с довоенной цифры.

Несмотря на большие объёмы подготовки командного состава, в течение всей войны наблюдался его устойчивый некомплект, основной причиной которого были именно боевые потери. Тем не менее, подразделения сохраняли свою функциональную устойчивость – даже при условии нехватки большего или меньшего количества офицеров. Взводы и роты успешно поддерживали свою воинскую идентичность и продолжали выполнять свои боевые задачи, даже если, например, командир погибал или получал ранение. В боевых условиях, как показывает анализ источников, замена происходила практически мгновенно. И лишь после боя наступал этап осмысления и начинались формализованные действия – по подбору полноценной замены или по легитимации уже состоявшейся. Впрочем, аналогичная тенденция наблюдалась и в высшем командном звене, особенно в последний период Великой Отечественной войны. Наиболее ярким примером служит эпизод с гибелью уже упомянутого И.Д. Черняховского, командовавшего 3-м Белорусским фронтом. Весть о его гибели чисто психологически была воспринята как трагедия – и подчинёнными, и в Ставке ВГК. Но на уровне институциональной организации чего-то непоправимого не произошло. Как было принято в подобных случаях, во временное командование фронтом вступил Начальник штаба фронта, а несколько дней спустя по Приказу Верховного Главнокомандующего командование принял маршал А.М. Василевский. Восточно-Прусская операция продолжалась успешно, существенных перемен в её ходе и результатах не произошло, никаких паники и дезорганизации в войсках и штабах не наблюдалось.

Армейский социальный лифт работал как в восходящем, так и в нисходящем направлении. Реальным было как повышение социального статуса, так и его понижение, временное либо постоянное, более или менее значительное. Снижение статуса происходило как следствие нарушения принципов функционирования милитарного социума, снижения его эффективности в условиях войны. Человек, который по объективным или субъективным причинам не выполнял своих задач, создавая тем самым угрозу всему социуму, с высочайшей долей вероятности подвергался санкциям по официальным либо неофициальным каналам. Первые осуществлялись специализированными органами и лицами, вторые реализовывались в рамках повседневной социальной коммуникации. При этом, по сравнению с мирным временем следует констатировать резкое ужесточение принципов и степеней ответственности. Те проступки, которые до войны подлежали тем или иным дисциплинарным взысканиям, в годы войны рассматривались военными трибуналами, в экстремальных случаях – командованием подразделения или соединения явочным порядком. Вместо внеочередных нарядов, гауптвахты, лишения увольнительных следовали лишение наград и воинских званий, направление в подразделения «переменного состава» (штрафные роты и батальоны), назначение с понижением, расстрел. Масштабы нисходящей социальной мобильности в Красной Армии в 1941–1945 гг., сгруппированные по основным типам, представлены в **Таблице 3** [23, с. 2003].

Таблица 3. Нисходящая социальная мобильность в Красной Армии в 1941–1945 гг.

Высший состав (разжалованы, осуждены, расстреляны)	Направлено в штрафные подразделения по приговору военного трибунала	Приговорено к расстрелу	Лишено высших наград (Герой Советского Союза, полный кавалер Ордена Славы)	Попало в плен генералов
<i>Кол-во / % от общего числа</i>	<i>Кол-во / % от общего числа</i>	<i>Кол-во / % от общего числа</i>	<i>Кол-во / % от общего числа</i>	<i>Кол-во / % от общего числа</i>
115 / 2,1%	437 тыс. / 1,3%	157 тыс. / 0,5%	82 чел. / 0,7%; 12 чел. / 0,5%	85 / 1,6%

Всякая формальная санкция должна была иметь под собой официальное обоснование. Какими же причинами объяснялись санкционные действия советской военно-репрессивной машины как элемента армейского социального института? Обратимся к конкретным социальным фактам. В высшем командном составе РККА лишились своих воинских званий, а вместе с ними наград, привилегий и статуса многие видные деятели предвоенного периода. Одним из наиболее радикальных стало падение Маршала Советского Союза Григория Ивановича Кулика. В архивных материалах содержатся вполне конкретные сведения относительно причин, почему пострадал данный представитель советской военной элиты: кроме неэффективного командования войсками на Керченском полуострове в числе проступков значились «развратный образ жизни», «пьянство», «самоснабжение», «присвоение военного имущества», отправка посылок семье из фондов подчинённых ему воинских формирований [20, с. 383–385]. В данном случае мы имеем своеобразный концентрат недостатков и пороков, которые в более дисперсном виде были присущи и другим представителям генералитета. Соответственно, они-то и служили причинами репрессивных мер. Наконец, оставалось тягчайшее для военного человека преступление – прямое нарушение присяги в виде предательства и перехода на сторону врага. Символом этого преступления стал генерал-лейтенант А.А. Власов и некоторые его сподвижники. Однако суммарные показатели предательства в высшем командном звене РККА оказались малы – всего лишь 7 представителей генералитета пошли на сотрудничество с врагом (0,12%). Обобщая приведённые в таблице 3 данные, можно увидеть сопоставимость цифр нисходящей социальной мобильности в рядах РККА в военные годы. В процентном отношении они невелики, хотя в чисто количественном впечатляют. Например, 157 тысяч расстрелянных военнослужащих составляют ни много-ни мало – 13 полнокровных стрелковых дивизий. Речь не идёт о моральной либо юридической оценке правомочности таких действий. Мы рассматриваем их как отражение социальных процессов. С социолого-

статистической точки зрения приведённые цифры невелики. При этом, доля репрессированного генералитета сравнительно несколько выше, чем у нижестоящих категорий военнослужащих. Таким образом, в рамках единой социальной иерархии Красной Армии уровень ответственности и требований, предъявляемых к маршалам и генералам, был выше. Сама же ответственность отнюдь не была пустым звуком – за высокий социальный статус и весомые преференции, прилагаемые к генеральским звёздам, государство (а, значит, и общество) было склонно спрашивать со своих выдвиженцев достаточно строго.

Основанием, как для повышения, так и для снижения социального статуса в рамках Красной Армии, служил такой главный критерий, как эффективность боевой деятельности в условиях тотальной войны. В разряд первоочередных качеств в таком случае попадали не только строго военно-профессиональные: военные знания, умения применять их на практике, но, также идеологические и этические характеристики. Идеино-политическая лояльность была обязательным условием для службы и продвижения вверх в РККА. При их отсутствии (либо при весомых основаниях в их наличии со стороны «компетентных органов») чисто военный профессионализм не мог служить достаточной гарантией от репрессивных санкций. Потому, как характерные социальные факты следует рассматривать случаи арестов и трибуналов в отношении тех солдат и офицеров Красной Армии, которые позволяли себе резко критические высказывания в отношении мероприятий и деятелей советского военно-политического руководства. Свидетельством могут служить систематические отчёты о работе военной цензуры, с выводами о принятых мерах в отношении выявленных в письмах критических или резко негативных высказываниях: (Сталинградская битва глазами Лубянки). Другим примером могут служить аресты даже вполне заслуженных офицеров. Кроме общеизвестного трагического случая с А.И. Солженицыным, можно привести схожий эпизод из воспоминаний капитана-миномётчика Павла Александровича Золотова, который за свои критические высказывания в адрес Сталина был арестован и осуждён уже после окончания военных действий, в августе 1945 г. [6, с. 241-244]. Абстрагируясь от нравственных оценок таких моментов, мы можем оценить их как акты самозащиты иерархической идеократической милитаризованной социальной системы. Сохранение идеино-политической монолитности было в данном случае более важным, нежели присутствие в её рядах потенциально нелояльного субъекта. Фактор индивидуальных страданий при этом во внимание не принимался. Равно как и сомнительная степень юридической легитимации санкционных действий. Можно сделать принципиальный вывод о том, что в условиях военной экстремальности военизированная социальная система, борющаяся за своё выживание, может жертвовать гуманностью и законностью ради сохранения идентичности и существования. В критических ситуациях мораль и право становятся вторичными и зависимыми от идеологической лояльности и военной эффективности. Либо, по меньшей мере, утрачивают универсальный характер своего действия на общество. Данный момент являлся не тотальным, но константным для всего военного времени. Следовательно, он может быть отнесён к числу устойчивых (статических) характеристик Красной Армии 1940-х годов. Морально-юридические доминанты, претерпев существенные корректировки в начале войны, затем сохранялись на всём её протяжении.

Также остался в неизменности сам принцип военной иерархии – в военных условиях он лишь ужесточился. Но принципы отношений между начальниками и подчинёнными, предполагавшие дисциплину и ответственность не взирая на привходящие обстоятельства, априори предполагались в качестве имманентной характеристики армии во все времена. Однако, фронтовые реалии внесли и существенные коррективы в повседневные социальные практики взаимоотношений начальников и подчинённых, особенно в боевых подразделениях. Призыв большого числа мужчин старших возрастов нередко приводил к неформальному наставничеству более старших и опытных солдат над очень молодыми лейтенантами-командирами взводов. В рамках отделений и взводов, танковых экипажей и оружейных расчётов часто формировалось пространство неформального и, в значительной степени, десубординированного общения. По воспоминаниям многих фронтовиков, отношения в экипаже, расчёте или, например, разведвзводе, были «как одна семья». Таким образом, в рамках фронтовой повседневности, правомерно говорить об усилении неформальной, семейно-дружеской модели взаимоотношений на уровне формальных малых групп (воинских

подразделений). Её следует рассматривать не как противовес, но как дополнение к официальной иерархически-уставной модели отношений в рамках армейского социума. Объяснение этому можно увидеть как в уже упомянутом изменении кадрового состава и численности РККА в годы войны, так и в воздействии на социальные отношения собственно военных действий, угрозы гибели, совместно переживаемых опасностей, страданий и взаимной ответственности. Формальные перегородки при этом неизбежно нивелировались. Всё это в совокупности следует интерпретировать в качестве механизма коллективной социальной адаптации к экстремальным условиям войны. Адаптации, которая, будучи формальным нарушением предписаний субординации, в действительности способствовала повышению функциональной эффективности и выживанию как отдельных представителей, так и всей Красной Армии как социального института.

Аналогично, дополнительную актуализацию, но не сущностную трансформацию пережил аксиологический мотив *вооружённой защиты Родины* как почётного и престижного дела для каждого гражданина СССР. Этот исторически укоренённый в российском национальном сознании мотиватор был усилен двумя десятилетиями предвоенной педагогической работы [21]. Чувство горячего патриотизма было именно массовым для большинства молодых людей, родившихся после 1917 года и принявших на свои плечи главную тяжесть войны. С началом войны это массовое чувство лишь получило наиболее яркое своё выражение. Многочисленные источники личного происхождения служат тому ярким подтверждением.

Патриотический порыв в реалиях национально-государственного противостояния СССР (как ипостаси исторической России) и III Рейха (как воплощения многовековой германской угрозы славянскому миру) способствовал глубоким переменам в формах и содержании военной пропаганды. Основным вектором изменений стал постепенный уход от революционно-интернациональных установок и замещение их национально-патриотическими. Что прослеживается в специфике оформления плакатов, содержании газет, книгоиздательской политике для Действующей Армии, кинематографе. О чём свидетельствуют официальные документы политических органов Красной Армии. Например, согласно директиве Начальника ГлавПУРКА Л.З. Мехлиса, уже в августе 1941 г. во всех военных газетах заголовки-девизы «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был заменён на лозунг «Смерть немецким оккупантам!». Многотысячными тиражами публикуются брошюры о великих русских полководцах, героических традициях русского народа. Хотя в официальном искусстве и идеологии сдвиги такого рода наметились в последние 3-4 предвоенных года, но на подлинно массовый уровень в армии они вышли именно в годы войны, практически вытеснив собой идеологемы классового подхода.

Сознание милитарного социума не могло не реагировать на эти новшества пропаганды и идеологии. По мнению большинства исследователей, повышение эффективности боевых действий со стороны Красной Армии не в последнюю очередь, явилось следствием радикальных перемен в содержании и формах пропаганды. Итак, ментальность армии как социальная категория претерпела существенные изменения в сторону усиления, даже абсолютизации патриотической составляющей при вытеснении классово-революционной семантики и семиотики.

В качестве примера зримо-осязаемого, материализованного проявления перемен в этом направлении служит та глубокая эволюция, которую претерпел советский военный мундир в годы Великой Отечественной войны. Общеизвестный факт восстановления погон наряду с восстановлением единоначалия и упразднением института военных комиссаров в армии воспринимались как свидетельства возрождения исторической преемственности между Красной Армией и армией дореволюционной России с её традициями формы и статуса как армии национально-государственной, а не классовой. Послевоенное (1946 г.) переименование из Красной в Советскую Армию стало логическим завершением социально-статусной инверсии, которая в значительной степени состоялась уже в годы войны. Существенные качественные эволюции претерпела армейская наградная система – в сторону усиления дифференциации мотивов награждений, резкого расширения числа орденов и медалей. В свою очередь, это вносило дополнительные элементы дифференциации и иерархии внутри воинских коллективов. Как следует из мемуаров, писем и дневников, доминирующим мотивом отношения фронтовиков к

наградам в их релевантности с боевой работой исчерпывалось фразой «Не за ордена воюем!» Мотив защиты Родины, жизни и будущего своих родных был априори фундаментальным и не зависящим напрямую от награждений. Хотя, безусловно, это не отменяет субъективных переживаний по поводу степени справедливости присуждения и количества наград.

Сопоставляя соотношение динамических и статических элементов в Красной Армии военного времени как в огромном социальном институте, можно прийти к выводу о резком преобладании первых над вторыми. Высокий уровень кадровой динамики, численный рост и повышение роли в обществе, изменения принципов комплектования и карьерного роста, высокие показатели вертикальной восходящей и нисходящей мобильности позволяют сделать вывод об РККА как о социальной системе с высокой динамикой. Армия в ходе военных действий претерпевала быстрые и глубокие изменения при внешнем сохранении институциональной устойчивости.

Диалектическая совокупность динамики и статики, восходящей и нисходящей социальной мобильности в масштабах всего социального института Красной Армии периода Великой Отечественной войны явились адаптационными реакциями милитарного социума к длительным экстремальным вызовам социо- и техно-генного характера. Эти вызовы носили направленный враждебный характер. Угрожали как социальному институту Красной Армии, так и породившему её обществу, государству. На начальном этапе войны важнейшей проблемой, требовавшей безотлагательных адаптационных действий, стало воссоздание структуры, функций и социальной идентичности принадлежности к армии у новобранцев на фоне постоянных высоких потерь личного состава за малые промежутки времени [3, 4]. Эта задача была успешно решена.

Адаптация в масштабах всего социального института носила не пассивно-реактивный, но активно-проектирующий характер. Позитивный и негативный опыт военных действий непрерывно анализировался, обобщался и внедрялся в войска с расчётом на опережение, навязывание противнику собственной воли. Соответствующим образом изменялся менталитет как солдатского, так и офицерского состава всех уровней.

Активная и всеобъемлющая адаптация Красной Армии позволила ей преодолеть негативную инерцию первого периода войны и добиться перелома военной ситуации в свою пользу. Активно-проективная социальная адаптация армии как социального института стала целенаправленным изменением реальности в необходимом направлении и, в то же время, показателем жизнеспособности советского общества в целом. Сущность адаптации заключалась в специфическом соотношении социальной статики и динамики в рамках анализируемого социального института: быстрые изменения на основе учёта военного опыта, внедрение иных принципов вертикальной мобильности, структурные реорганизации вращались вокруг незыблемого ценностно-смыслового ядра, построенного на традиционных ценностях Российской цивилизации и приобретшего дополнительную актуализацию в условиях противостояния тотальной военной агрессии III Рейха.

При этом, процессы социальной динамики в РККА в военное время имели обширные пролонгированные последствия в послевоенном развитии советского общества и вплоть до настоящего времени. Участие в военных действиях внесло глубокие изменения в социальную психологию целого поколения, которое с этого момента стало именоваться «фронтовым поколением» или «поколением победителей» и в таковом своём качестве превратилось в полноценный предмет историко-антропологических и историко-социологических исследований. Элемент осознания принадлежности к особенной социальной категории присутствовал уже в коллективной ментальности фронтовиков непосредственно в период участия в войне. Свидетельством служит стихотворение Семёна Гудзенко «Моё поколение», написанное автором-фронтовиком в 1944 году. Масштабные изменения произошли в социальной психологии военнослужащих Красной Армии, в самоидентификации и самооценке участников войны.

Демобилизация служит примером крупнейшего направленного и регулируемого процесса социальной мобильности РККА в течение кратчайшего времени. Первичный импульс процессу был дан Законом 23 июня 1945г. «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии». В общей сложности армия сократилась с 11,4 млн. человек в мае 1945 г. до 2,9 млн. к концу

1948 г. Этот трёхлетний процесс следует рассматривать как завершающий факт общей социальной динамики Красной (с февраля 1946 г. – Советской) Армии в период Великой Отечественной войны и непосредственно за ним. Данным социальным фактом общество закрепило переход к развитию мирного времени.

Всё сказанное можно подытожить в виде следующих положений:

1. Жизнеспособность общества зависит от функционирования социальных институтов, в частности, армии; в условиях войны она определяется скоростью и адекватностью адаптации к внешним враждебным вызовам. Критерием эффективности самой адаптации служит конечный исход военного противоборства двух враждующих социальных систем;

2. Произошло изменение роли динамических характеристик в социальном институте Красной Армии. Те компоненты социальной организации, которые в мирное время меняются крайне медленно, в военное время оказались подвержены быстрым и решительным переменам. Армейская иерархия, атрибутика, ценностно-смысловые ориентиры, штаты частей и подразделений, строго периодические кадровые ротации оказались в зависимости от функциональных изменений и ситуационных потребностей;

3. Красная Армия продемонстрировала высокий адаптивный потенциал всей социальной организации не только в собственных институциональных границах, но и в отношении всего советского общества, включая массовые низовые и управленческие структуры, представителей властной элиты, включая её высший слой;

4. Важным фактором успешной социальной адаптации стал высокий уровень личностной и групповой мотивации на основании патриотизма не как умозрительной ценности, а как практического действия, готовности к самопожертвованию и сознательному подавлению индивидуальных потребностей выживания и комфорта. В свою очередь, это позволяет говорить о социальном институте Красной Армии не только как об иерархическом милитаризованном социуме, но, не в последнюю очередь, как об идеократической социальной системе, в рамках которой абсолютные ценности непосредственно определяли направленность исполнения функций и содержание процессов трансформации;

5. Практическая реализация ценностей, которые приобретали значимость прескриптивных и обязательных к исполнению социальных норм стала важной характерной чертой социального существования и развития Красной Армии военного времени;

6. Социальная адаптация армии носит во многом дуалистический характер: если, с одной стороны, моральные нормы могут оказаться вторичными перед требованиями эффективности деятельности социального института, то, с другой стороны, другие ценности могут становиться нормами и руководством к индивидуальным и коллективным действиям. Более того, временное купирование действенности моральных гуманистических норм обусловлено именно абсолютизацией ценностей патриотизма и коллективного спасения народа и государства; в армии эти моменты достигали своего наивысшего выражения;

Своей высокой адаптацией (качественно, количественно, темпы) Красная Армия обеспечила выживание и продолжение исторического бытия породивших её общества и государства.

Литература:

1. Азяский Н.Ф. Социальные истоки партизанского движения в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 2015. № 5. С.3–12.
2. Бритвина И.Б. Проблема сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 2015. № 5. С.18–21.
3. Гланц Д. Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М.: Эксмо-Яуза, 2009;
4. Гланц Д. Советское военное чудо 1941–1943гг. Возрождение Красной Армии. М.: Эксмо-Яуза, 2008.
5. Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах/ред. Г.Ф. Кривошеев. М.: Воениздат, 1993.
6. Золотов П.А. Записки миномётчика. М.: Центрполиграф, 2007.
7. Иванов В.Н. Ветераны о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 2015. № 5. С.12–17.
8. Карлова Е. Н. Исторический опыт американской военной социологии // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 89–96
9. Крино Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013
10. Комал Ф.Б. Военные кадры накануне войны/Военно-исторический журнал. №2/1990

11. Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооружённых Сил. Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001.
12. Кривошеев Г.Ф., Андроников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2010.
13. Кулаков В.В., Каширина Е.И. Массовый героизм и коллаборационизм советских воинов в период Второй мировой войны (1939–1945 годы) // <http://rusrand.ru/analytics/massovyj-geroizm-i-kollaboratsionizm-sovetskih-voinov-v-period-vtoroj-mirovoj-vojny-19391945-gody>
14. Ларионов А.Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь РККА 1941–1945гг. М.: Золотое сечение, 2015
15. Образцов И.В. Армия как социальный институт: Российский опыт в контексте мировых тенденций // Вестник Московского государственного лингвистического государственного университета. №2/2013. Сс.151–171.
16. Образцов И. В. Социологические исследования в войсках в годы Второй мировой войны: анализ зарубежного опыта // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 97–107.
17. РГАСПИ. Фонд 83 (Г.М. Маленков). Опись 1. Дело 22. Лист 13. Из Приказа Наркома Обороны от 2 марта 1942г.
18. Ржевская Е.М. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004.
19. Серебрянников В. В. Военная социология: опыт и проблемы // Социологические исследования. 1993. №12.
20. Смыслов О.С. Окопная правда войны. М.: Вече, 2013.
21. Сомов В.А. Первое советское поколение: испытание войной. М.: АИРО, 2015.
22. Социология Великой Победы. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2005.
23. Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. Красная Армия в победах и поражениях 1941–1945гг. Томск, Издательство Томского университета, 2003
24. Фронты, флоты, армии, флотилии периоды Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Справочник // коллектив авторов. М.: Кучково поле, 2003.